

Линь Цинюй попросил Сяо Сунцзы помочь ему следить за ситуацией в дворце Циньчжэн. Но Сяо Сунцзы был всего лишь евнухом, которому было поручено доставлять еду. Каждый день он бывал в зале Циньчжэн лишь на короткое время, и информация, которую он мог получить, была ограничена.

Линь Цинюй собрал воедино эти разрозненные улики. Единственное, в чем можно было быть уверенным, так это в том, что сообщение «Если нечетное, то изменится; если четное, то остается неизменным» пришло либо из Западного Ся, либо из Юнляна, и что Сяо Чэн вызвал ученых Императорской академии в дворец Циньчжэн, чтобы расшифровать этот код.

Ему приходила мысль о том, чтобы отправиться в Юнлян на поиски этого человека. Но когда он спокойно обдумал все, это был явно неразумный шаг; не говоря уже о том, что Юнлян находился далеко от столицы, и дорога туда и обратно занимала не менее месяца. Даже если бы он уехал на границу, это было бы все равно, что без подсказок искать иголку в стоге сена. Было бы лучше остаться во дворце и найти другие подсказки.

Сейчас Линь Цинюй никуда не спешил. Хорошо, что этот человек жив. Какой бы сложной ни была ситуация, но пока они живы, то встретятся снова. Более того, он давно понял темперамент этого человека. Он может быть ленив, но, когда дело доходило до заговоров и интриг, он сам не сможет сравниться с ним.

Он верил, что этот человек сделает все возможное для возвращения к нему. Ему не нужно никуда идти. Он просто подождет его там, где он есть.

К тому же Линь Цинюй не знал... как этот человек выглядел сейчас. Старый или молодой, мужчина или женщина, красивый или уродливый. Цзяну нравилось смотреть на красивых людей, однажды он попал в рейтинг самых красивых мужчин столицы. Лу Ваньчэн уже считался на редкость красивым сыном благородной и богатой семьи, но это все еще не могло сравниться с его первоначальной внешностью. Когда Цзян появился перед ним на седьмую ночь после его смерти, он решил подчеркнуть этот факт. Это показывало, что он был очень доволен своей внешностью. Если на этот раз он переселился в тело с уродливой внешностью, Цзян, вероятно, так разозлился, что его вырвало кровью. Он может даже не отважиться появиться перед ним.

Если бы он стал женщиной, учитывая его характер, после периода внутренней борьбы и боли, он, вероятно, спокойно принял бы это. Может быть, он даже смог бы найти мужчину, который женился бы на нем и позволил ему просто лежать, есть и пить. Тогда, если бы это было так... лучше просто выйти замуж за него.

При мысли об этом на лице Линь Цинюй снова появилась давно пропавшая улыбка. Его глаза были чисты, как вода, а щеки сияли ярче цветущих пионов. Ху Цзи, который наблюдал за ним, был мгновенно очарован.

Ху Цзи не удержался и спросил: «Императорский лекарь Линь, почему вы так счастливы?»

Уголки губ Линь Цинюй слегка приподнялись: «Прошло сто дней с тех пор, как скончался мой муж. Разве это не достаточный повод для радости?»

«Это...» — Ху Цзи быстро отвел взгляд, не смея снова взглянуть на него. Хотя красивые люди были прекрасны, обычным людям никогда не посчастливилось бы иметь отношения с ними. Он сам был уверен, что никогда не получит этого благословения, поэтому даже не смел питать иллюзий.

Пока эти двое разговаривали, позади них раздался недовольно звучащий голос: «В ваши обязанности входит участие в пустой болтовне?!»

Говорившим, естественно, был не кто иной, как Чу Чжэндэ. С тех пор как Линь Цинюй в прошлый раз вызвали во дворец Фэньи, Чу Чжэндэ находил его все более и более неприятным для глаз. Это обращение распространялось даже на Ху Цзи, который был близок к нему.

Императорская лечебница была местом, где большое значение придавалось старшинству. Они были подчиненными и, естественно, не могли открыто ослушаться Чу Чжэндэ. Смущенный Ху Цзи закрыл рот. Линь Цинюй был в хорошем настроении, и ему не хотелось спорить со старым дураком.

Вскоре после этого в Императорскую лечебницу пришел евнух из Восточного дворца и сказал, что наследный принц плохо себя чувствует. Линь Цинюй вызывали в Восточный дворец для постановки диагноза и лечения.

В первый раз он мог это вынести, во второй раз он был доведен до предела своего терпения. Чу Чжэндэ сердито сказал: «Я всегда заботился о здоровье хозяина Восточного Дворца. Если не я, то Ху Цзи. Линь Цинюй бесталанен и малообразован, как Его высочество мог просить его о диагностике и лечении?»

И императрица, и наследный принц игнорировали его, вместо этого вызывая Линь Цинюй. Это было не что иное как пощечина!

Линь Цинюй равнодушно сказал: «Похоже, что императорский лекарь Чу хочет поставить диагноз и назначить лечение наследному принцу. Если императорский лекарь Чу хочет этого благословения, то я не смею возражать».

Евнух Восточного дворца холодно сказал: «Кто из нас может догадаться о намерениях Его высочества? Нам просто нужно подчиняться его приказам. Может быть, вы намереваетесь ослушаться и проявить неуважение к Его высочеству?»

Чу Чжэндэ топнул ногой и воскликнул: «Это просто не имеет смысла!»

Ху Цзи смутно понимал, как наследный принц думает о Линь Цинюй. Он обеспокоенно сказал:

«Императорский лекарь Линь, вы должны быть осторожны».

«Все в порядке. — Линь Цинью сунул фарфоровую бутылочку в рукав. — Наследный принц опасается генерала Гу, поэтому он не должен ничего делать со мной».

Он и Гу Фучжоу никогда не встречались, но генерал признал его отца своим названным отцом только из-за спасительной благодати. Гу Фучжоу был далеко в Юнляне, но он смог укрыть Цинью своими выдающимися военными достижениями, и Сяо Чэн пока не мог наложить на него свои руки. Даже если это было непреднамеренно со стороны Гу Фучжоу, он заслуживал личной благодарности.

На всякий случай Линь Цинью сказал: «Разве вы не пойдете во дворец Чанлэ, чтобы попросить наложницу Чэнь позволить вам диагностировать ее пульс?»

Прибыв в Восточный дворец, Линь Цинью последовал за евнухом в боковой зал, где отдыхал наследный принц.

«Императорский лекарь Линь, пожалуйста».

Линь Цинью вошел в зал. Внутри помещения словно прошел свирепый шторм. Вершиной беспорядка был ящик с вином, наполненный пустыми кувшинами. Сяо Чэн лежал на боку позади ящика с вином, он наклонил голову, наливая вино в рот. Он выглядел одновременно неопрятным и опустошенным.

Линь Цинью опустился на колени и поприветствовал в соответствии с обычным этикетом: «Ваше высочество».

Сяо Чэн отбросил кувшин и, пошатываясь, поднялся на ноги. Он посмотрел на него сверху вниз. «Ты здесь, у тебя хватает наглости заставлять нас ждать».

«Этот скромный чиновник не посмеет».

«На что бы ты не осмелился? Мы ясно видим, что ты очень смелый человек. — Сяо Чэн довольно долго смотрел на него, и в его глазах постепенно появлялось замешательство. Он поднял руку, желая коснуться его лица. — Твои глаза... Ты родился с очень хорошими глазами».

Линь Цинью почувствовал тошноту. Он наклонил голову, чтобы избежать руки наследного принца. Для Сяо Чэна это было подобно тяжелому удару. Казалось, теперь он мог ясно видеть, что человек перед ним не был тем, кто был в его сердце.

«Цзинчунь никогда бы не посмотрела на нас с таким выражением в глазах, — рот Сяо Чэна изогнулся в жестокую дугу. — Если бы ты был слепым, интересно, был бы ты больше похож на

Цзинчунь, в чьих глазах есть лишь невинность».

Линь Цинью спокойно смотрел на него, но в глубине души он придумывал бесчисленные способы растоптать другого. Сяо Чэн вдохновил его – ослепить его было одним из способов, или он мог просто вынуть его глазные яблоки, что тоже казалось довольно интересным.

Линь Цинью сказал: «Ваше высочество слишком много выпили. Этот скромный чиновник даст вам рецепт для протрезвления».

Сяо Чэн взревел: «Посмотри на нас!»

«Если больше ничего нет, этот скромный чиновник откланяется».

Сяо Чэн внезапно схватил Цинью за руку, его глаза расширились от гнева. Он яростно сказал: «Я наследный принц. Если ты нужен нам, что ты можешь сделать! Да, ты названный брат Гу Фучжоу. Но разве Гу Фучжоу посмеет поставить меня в неловкое положение из-за названного брата, которого он едва знает?!»

Глаза Линь Цинью потемнели, и он неожиданно громко рассмеялся и сказал: «Тогда попробуйте».

Возможно, он не сможет избежать этой катастрофы, но Сяо Чэн тоже не покинет Восточный дворец живым. Жаль, что он умрет вместе с этой собакой.

Он вдруг вспомнил, что сказал Цзян в их первую брачную ночь: «Линь Цинью... прекрасный императорский лекарь, который умер в Восточном дворце?»

О, он понимает.

Так это должен был быть его конец.

Глаза Сяо Чэна были прикованы к его лицу, он все еще не отпускал его, но больше не двигался. В этот момент появилась фигура.

Это был Шэнь Хуайши.

Теневой страж мог появиться только, если бы хозяин попал в беду. Сяо Чэн прищурился и холодно спросил: «Что ты здесь делаешь?»

Шэнь Хуайши с глухим стуком опустился на колени и ударился головой о пол, сказав: «Я прошу Ваше высочество... Пожалуйста, отпустите императорского лекаря Линь».

Сяо Чэн наблюдал за выражением лиц этих двоих. Внезапно он издал странный смешок, сказав: «Повтори».

Шэнь Хуайши сказал: «Ваше высочество просто потеряли контроль из-за выпивки. Если бы Ваше высочество были трезвы, то определенно не были бы такими».

«Ты умоляешь за него? Ты на самом деле умоляешь за него! — Смех Сяо Чэна становился все громче и громче. Он не знал, кому из них он завидовал. — Я, наконец, понимаю, почему Малыш Цинюй был так добр, чтобы лечить тебя. Ха-ха-ха...»

Голос Шэнь Хуайши задрожал: «Этот подчиненный знает, что сегодня день рождения принцессы Цзинчунь, и Его высочество становится таким каждый год в это время...»

Сяо Чэн выглядел мрачным, говоря: «Заткнись. Раз ты так защищаешь его, почему бы тебе не занять его место!» — сказав это, он поднял Шэнь Хуайши и протянул руку к его груди.

Глаза Шэнь Хуайши расширились. «Ваше высочество?!»

«Почему, ты стесняешься? Меня посетила мысль. Кажется, я недостаточно кормлю тебя, поэтому ты идешь и дурачишься с другими мужчинами у меня под носом!»

Шэнь Хуайши беспомощно покачал головой: «Этот подчиненный не...»

Линь Цинюй крепко сжал пузырек с лекарством в рукаве, заставляя себя спокойно подумать о контрмерах в этой ситуации. Шэнь Хуайши был искусен в боевых искусствах, и у него в руке было лекарство. Если бы Шэнь Хуайши был готов сотрудничать, они могли бы...

В это время снаружи раздался голос: «Императорская наложница идет...»

Сяо Чэн замер и резко спросил: «Почему вдруг пришла моя мать-наложница?»

«Императорская наложница услышала, что Его высочество болен, и отправилась в Императорскую лечебницу, чтобы попросить императорского лекаря. Она прибыла специально, чтобы навестить Его высочество».

«Зачем моей матери-наложнице поднимать такой шум из-за пустяков? — Сяо Чэн посмотрел на Линь Цинюй, в его глазах был скрыт зловещий блеск. — Если только кто-то не добавлял масло и уксус* перед ней?»

[Примечание: 添油 / tiānyóu jiācù. Добавлять масло и уксус (обр. приукрашивать факты,

прибавлять для красного словца, искажать действительность, преувеличивать).]

Линь Цинъюй сунул бутылочку с лекарством обратно в рукав и спокойно сказал: «Этот скромный чиновник не знает».

Его опьянение прошло, и к Сяо Чэну вернулась ясность ума. Он посмотрел на лежащего на полу Шэнь Хуайши, и в его глазах мелькнуло странное выражение. «Оденься и прикажи кому-нибудь приготовить чашку отрезвляющего супа».

Шэнь Хуайши поднялся с пола, придерживая края своей одежды. Опустив голову, он сказал: «...Слушаюсь».

Линь Цинъюй вышел из Восточного дворца невредимым. В безлюдном углу он глубоко вздохнул.

Он не мог отделаться от мысли, что, если бы Гу Фучжоу не признал отца своим названным отцом, и он не познакомился бы с Шэнь Хуайши, сегодня ему бы так не повезло.

Без Гу Фучжоу у Сяо Чэна не было бы этого момента колебаний; если бы он намеренно не подошел к Шэнь Хуайши, тот не только не заступился бы за него, но и появился бы, когда он напал на Сяо Чэна, и вонзил этот клинок ему в шею.

Он мог умереть в Восточном дворце, под мечом Шэнь Хуайши.

Как будто в темноте... эта пара рук тянула его от предрешенного судьбой конца.

Линь Цинъюй посмотрел на небо на северо-западе. Он тихо спросил: «Это ты?»

Даже если они были разделены и не могли видеть друг друга, этот человек все равно по-своему защищал его.

После катастрофы жизни и смерти Линь Цинъюй внезапно обессилел и, прислонившись спиной к стене дворца, медленно опустился на землю, шепча: «Когда ты вернешься...»

Была ночь, зал Циньчжэн был ярко освещен. Все члены кабинета министров собрались вокруг только что прибывшего срочного послания с северо-запада. У всех них были серьезные лица.

Сяо Чэн постучал кончиками пальцев по столу. Он чувствовал беспокойство, и во лбу пульсировала боль от слишком большого количества выпитого.

Вскоре после этого вошел Чу Чжэндэ, а впереди шел Сяо Сунцзы.

«Ваше высочество».

Сяо Чэн не стал тратить время на ерунду, спросив: «Знаете ли вы о яде под названием „Небесный паук“?»

«Ваше высочество, это необычный яд с севера. Если отравленный человек не получит противоядия, яд поразит его внутренние органы, медленно вызывая отказ органов вплоть до смерти».

«Тогда есть ли противоядие от „Небесного Паука“?»

«Да, но противоядие чрезвычайно сложное. — Чу Чжэндэ рассказал все, что знал: — Нам нужно было бы использовать тысячелетний снежный лотос с севера в качестве основного лекарственного ингредиента. Его следует растереть в порошок, используя теплую нефритовую ступку, которую можно найти исключительно в Зале Тысячи Трав Императорской медицинской канцелярии. Лекарство следует давать сразу после приготовления. Только приняв это лекарство, отравленный человек может избавиться от яда».

Сяо Чэн сказал: «Вы хотите сказать, что этот яд можно обезвредить только в Императорском медицинском кабинете?»

«Вот именно».

«Хорошо, вы можете удалиться».

После ухода Чу Чжэндэ Сяо Чэн торжественно сказал: «Вам не кажется странным, что кто-то в Юнляне был отравлен ядом с северной границы?»

Премьер-министр сказал: «Ваше высочество, отряд Тяньци уже подтвердил, что отравление было правдой. Независимо от того, как он был отравлен, нашим главным приоритетом должно быть излечение от яда».

Лицо Сяо Чэна было уродливым. Он совершенно не желал этого, но у него не было другого выбора, кроме как пойти на компромисс. Стиснув зубы, он сказал: «Передайте наш указ, позвольте Гу Фучжоу немедленно вернуться в столицу».